

Сергеенко Петр Алексеевич

Толстой и его современники

**Очерки: Герцен, Некрасов,
Достоевский, Тургенев, Лесков,
Чехов, Брайан, И. Кронштадтский,
Толстой и дети**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич С.**
Толстой и его современники: Очерки: Герцен, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Чехов, Брайан, И. Кронштадтский, Толстой и дети / Сергеенко Петр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 302 с.

ISBN 978-5-519-85443-6

ISBN 978-5-519-85443-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Начало сентября 1904 г.

Въ Ясной Полянѣ группа гостей.

За вечернимъ чаемъ въ большой полуосвѣщенной столовой идетъ оживленная бесѣда, поминутно подогреваемая извѣстнымъ художественнымъ критикомъ и энтузіастомъ Вл. В. Стасовымъ.

Онъ гоститъ въ Ясной Полянѣ со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ и другомъ скульпторомъ И. Я. Гинцбургомъ. И въ столовой то и дѣло гремитъ богатырскій голосъ «апостола могучей кучки». Все въ немъ было огромно и громозвучно.

Стасовъ сидитъ въ концѣ стола и демонстрируетъ привезенныя имъ фотографіи, изображающія въ различныхъ положеніяхъ М. Горькаго, И. Е. Рѣпина и В. В. Стасова на дачѣ въ Куахколю...

Левъ Николаевичъ не принимаетъ особеннаго участія въ разговорахъ. И демонстрація фотографій, видимо, совсѣмъ его не интересуеетъ. Но, чтобы не огорчать увлекающагося 80-лѣтняго юношу, Л. Н. иногда полуободрительно произноситъ какую-нибудь сочувственную реплику.

Весь этотъ день Л. Н. былъ поглощенъ какой-то сосредоточенной работой. И его полугрустное лицо съ бѣлой раздвоившейся бородою являло не то, чтобы

усталость, а нѣкоторое отчужденіе или, скорѣе, отдаленіе отъ происходившаго вокругъ него. Казалось, что онъ вотъ-вотъ скажетъ намъ:

— Вы занимайтесь своими дѣлами, а на меня не обращайтесь вниманія: меня здѣсь нѣтъ.

Зашла рѣчь о тогдашней «веснѣ», дѣлаемой въ Россіи кн. Святополкъ-Мирскимъ. Стасовъ и другіе гости очень увлекались тогдашнимъ весеннимъ періодомъ и возлагали на кн. Святополкъ-Мирскаго великія надежды.

Л. Н. покачалъ головой.

— Ну, что можетъ сдѣлать одинъ... какой-то Миропольскій или какъ тамъ его?.. Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю, чтобы изъ этого вышло что-нибудь хорошее.

Рѣчь перешла на прежніе «весенніе періоды» въ Россіи: на 50-е и 60-е годы. Кто-то упомянулъ о Герценѣ.

На Стасова имя Герцена подѣйствовало, какъ стукъ дирижерской палочки на музыкантовъ. И онъ съ юношескимъ увлеченіемъ заговорилъ о Герценѣ, о его обаятельной личности и о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ въ Лондонѣ. Но, лишенный художественной палитры, милѣйшій Владиміръ Васильевичъ не прибавилъ къ общеизвѣстному гражданскому портрету Герцена ни одного яркаго мазка. Наступила пауза.

— Ахъ, Герценъ! — заговорилъ Левъ Николаевичъ. — А я какъ разъ сегодня просматривалъ его. Какой это удивительный талантъ!

И Л. Н. началъ цитировать прочитанный имъ на медни юмористическій очеркъ Герцена о смотрѣ войскъ въ Австріи. Но затѣмъ, видимо, не полагаясь на память

и желая угостить присутствующих чѣмъ-то особенно вкуснымъ, Л. Н. попросилъ принести изъ его кабинета книгу Герцена.

— Вы послушайте, какъ все это удивительно у него!—говорилъ Л. Н., оживляясь и подсаживаясь къ столу.

Принесли небольшую потертую книгу...

|

*

Будучи въ ударѣ, Л. Н. иногда безподобно читалъ юмористическія произведенія.

И тутъ, читая искрящіеся юморомъ отрывки изъ Герцена, онъ какъ-то особенно вкусно пропускалъ сквозь бѣлые пушистые усы юмористическія нотки. Особенно забавно было, когда онъ произносилъ фразы о «габсбургской губѣ» кронъ-prinца, о «зачисленіи по химіи» послѣ смерти и т. п.

Получилось, дѣйствительно, особенное эстетическое угощеніе, прерываемое взрывами смѣха и присутствовавшихъ и самого Льва Николаевича.

Онъ бываетъ очень смѣшливъ. И его такъ же тянетъ посмѣяться, какъ нѣкоторыхъ къ рюмкѣ водки или къ хорошей сигарѣ.

Послѣ чтенія В. В. Стасовъ опять заговорилъ о Герценѣ, о его внѣшности, о жизни Герцена въ Лондонѣ и т. п. Но опять же было ни яркихъ красокъ, ни характерныхъ штриховъ.

Одинъ только эпизодъ въ жизни Герцена произ-

велъ значительное впечатлѣніе. Стасовъ рассказывалъ со словъ извѣстнаго фотографа и родственника Герцена—С. Л. Левицкаго, что однажды, въ 60-хъ годахъ, во время свиданія обоихъ семействъ, т.-е. Левицкихъ и Герценовъ, Герценъ, разговорившись о Россіи вдругъ, будто, всталъ, заперъ двери и сказалъ:

— Ну, теперь, господа, мы вотъ что сдѣлаемъ. Давайте пропоемъ «Боже царя храни».

Всѣ удивились, но будто исполнили желаніе Герцена. «Боже царя» было пропѣто нѣсколько разъ всѣми присутствующими.

— Конечно,—говорилъ В. Стасовъ,—ни слова Жуковского, ни музыка Львова не интересовали Герцена, но дорого и горячо было воспоминаніе о Россіи, о молодыхъ невозвратныхъ годахъ, о толпѣ народа, о давно невиданныхъ лицахъ друзей и знакомыхъ.

Левъ Николаевичъ слушалъ, не возражая и не поддакивая Стасову, а только повторялъ свое универсальное «Гмъ!».

Стасовъ началъ говорить о внѣшности Герцена.

— Владиміръ Васильевичъ, а вы знаете, что Левъ Николаевичъ лично зналъ Герцена и бывалъ у него въ Лондонѣ,—шепнулъ Стасову одинъ изъ присутствовавшихъ, когда вниманіе Льва Николаевича было на минуту отвлечено чѣмъ-то.

Стасовъ порывисто откинулся богатырской фигурой на спинку стула, всплеснулъ отъ радостнаго изумленія руками и загудѣлъ на весь домъ:

— Левъ Николаевичъ! Ради Господа, напишите ваши воспоминанія о Герценѣ! Вѣдь это такъ страшно

интересно! Такъ глубокозначительно!.. Ради Бога, не откладывайте!..

Л. Н. улыбнулся.

— Ужъ столько я написалъ пустяковъ въ своей жизни, что пора и честь знать.

В. В. Стасовъ вскрикнулъ, какъ-будто ему надавливали на больной зубъ:

— Что вы говорите!

* *

*

Описанный эпизодъ говоритъ самъ за себя: какъ мало мы интересуемся нашими «героями», если даже такой огромности фактъ, какъ отношеніе между Толстымъ и Герценомъ—этими орлами русской мысли—все еще находится во мракѣ неизвѣстности и могъ ускользнуть отъ вниманія такого знатока русскаго искусства, какимъ, несомнѣнно, былъ В. В. Стасовъ.

И чѣмъ были Герценъ и Толстой относительно другъ для друга: «братьями», «чужаками» или даже «противниками»? Въ сущности это до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ.

По разбросаннымъ же въ различныхъ мѣстахъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, касающимся этихъ вопросовъ, можно съ одинаковыхъ успѣхомъ выводить и то, и другое, и третье.

Такъ, Г. П. Данилевскій рассказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Онъ познакомился съ Толстымъ въ Петербургѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ минувшаго

вѣка, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ «молодымъ статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ». Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены: Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій и Дружининъ.

«Какъ теперь помню, — говоритъ Данилевскій, — вошелъ тогда графъ Л. Н. Толстой въ гостиную хозяйки дома во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сначала мягко и сдержанно, а потомъ съ такой горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями, и говорилъ съ такой искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена».

Многимъ покажется, что этотъ разсказъ сгущенъ въ своихъ краскахъ. Что жъ эти за люди, которые могли восхищаться писателемъ или терять интересъ къ нему въ зависимости отъ того, какъ высказался о писателѣ тотъ или иной статный артиллерійскій офицеръ?

И еще: какъ совмѣстить въ авторѣ «Севастопольскихъ разсказовъ», съ одной стороны, необыкновенно тонкое писательское чутье, а, съ другой, своего рода «анафему» такому безподобному писателю, какъ А. И. Герценъ?

Но нѣкоторые считаютъ приведенный Данилевскимъ разсказъ возможнымъ при одномъ, однако, усло-

віи, что рѣчь шла не вообще о Герценѣ, а о нѣкоторыхъ его политическихъ статьяхъ, гремѣвшихъ тогда на всю Европу.

И тогда все становится понятнымъ, потому что тогдашній Толстой не могъ иначе отнестись къ революціонеру Герцену, какъ отрицательно.

Понятія же: «Герценъ» и «революціонеръ» даже до сихъ поръ еще для многихъ однозначщи и только произносятся различно.

Съ особенной рѣзкостью вылилось у Толстого его отрицательное отношеніе къ революціонной дѣятельности Герцена въ одномъ изъ писемъ за 1862 г. по поводу обыска, произведеннаго въ Ясной Полянѣ.

«Теперь я имѣю злобу и отвращеніе,—писалъ Толстой,—почти ненависть къ тому милому правительству, которое отыскиваетъ у меня литографскіе и типографскіе станки для перепечатыванія прокламацій Герцена, которыя я презираю и не имѣю терпѣнія дочестъ отъ скуки. Это фактъ—у меня разъ лежали недѣли всѣ эти прелести—прокламаціи и «Колоколь». И я такъ и отдалъ, не прочтя. Мнѣ это скучно. Я все это знаю и презираю не для фразы, а отъ всей души».

И дальше, говоря о своемъ рѣшеніи уѣхать за границу, Толстой пишетъ: «Къ Герцену я не поѣду. Герценъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ».

Изъ всего здѣсь приведеннаго значительную дозу надобно, конечно, отнести къ особенно возбужденному состоянію, въ которомъ находился тогда Л. Н. Онъ былъ потрясенъ и возмущенъ грубымъ отношеніемъ

къ нему тогдашнихъ спасателей отечества. (Явились, конечно, ночью, читали интимнѣйшія письма, довели до обморока тетку-старуху и проч. и проч.) Л. Н. въ послѣдствіи говорилъ, что онъ благословляетъ судьбу, избавившую его отъ присутствія при обыскѣ и помѣшавшую ему сдѣлаться убійцей.

Но фактъ остается фактомъ. И письмо Л. Н.—ча не отрицаетъ, а подкрѣпляетъ возможность того, что приписываетъ Толстому Данилевскій, но что совершенно расходится съ позднѣйшимъ (почти восторженнымъ) отношеніемъ Толстого къ Герцену, какъ къ писателю. Остается предположить, что Толстой только въ послѣдствіи обстоятельно познакомился съ писательскою личностью автора «Былое и думы». Иначе трудно понять толстовскую характеристику Герцена, какъ «разметавшагося ума съ больнымъ самолюбіемъ», сдѣланную Л. Н.—чемъ въ своемъ дневникѣ въ 1860 г.

Трудно понять, потому что Толстого, видимо, тянуло къ Герцену даже и тогда, когда онъ «разносилъ» его. Относительно этого есть летучій намекъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Герцену.

«Некрасовъ (котораго ты не любишь), — пишетъ Тургеневъ, — былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ. Толстой тоже будетъ въ Англіи; ты его полюбишь, я надѣюсь, и онъ тебя». (Курсивъ нашъ). Парижъ, 1857 г., II, 16.

Но почему-то въ 1857 г. поѣздка Толстого въ Лондонъ не состоялась, хотя онъ и разъѣзжалъ по всей Европѣ. Онъ посѣтилъ Герцена только въ 1861 г. и прожилъ въ Лондонѣ около 6-ти недѣль. Во время

своего пребыванія въ Англіи Толстой жадно отдавался лондонскимъ впечатлѣніямъ, много ходилъ, много ѣздилъ и часто бывалъ у Герцена. Однако ни Герценъ, ни Толстой, повидимому, не вынесли изъ своихъ свиданій ничего согревающего.

И ни у Герцена, ни у Толстого нѣтъ ни одной яркой страницы объ ихъ знакомствѣ. Между тѣмъ, Толстой описывалъ въ своихъ письмахъ изъ-за границы даже незначительныя (сравнительно) встрѣчи и знакомства.

По нѣкоторымъ отрывочнымъ намекамъ, слышаннымъ мною, я позволяю себѣ думать, что тутъ сыграли роль индивидуальныя свойства, лежащія въ натурахъ Герцена и Толстого: ихъ огневые темпераменты и независимые характеры, столкнувшіеся на почвѣ принципиальныхъ разногласій.

И Герценъ и Толстой не то, чтобы разочаровались другъ въ другѣ, но и не притянулись одинъ къ другому, какъ два предмета, насыщенные однороднымъ электричествомъ. И, не имѣя возможности писать другъ о другѣ въ повышенномъ тонѣ, предпочли ничего не писать другъ о другѣ.

Такъ и осталась незаполненной одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ русской исторіи. Только кое-гдѣ чернѣютъ на ней отдѣльныя фразы, написанныя къ тому же неопытными перстами.

Н. А. Огарева (Тучкова) рассказываетъ, что когда, по пріѣздѣ ея изъ Россіи въ Лондонъ, она начала говорить съ Герценомъ о новой литературной звѣздѣ въ Россіи, о писателѣ Толстомъ, написавшемъ

«Дѣтство», «Отрочество», «Юность» и проч., то оказалось, что Герценъ уже читалъ многое изъ толстовскихъ произведеній и восхищался ими. Особенно удивлялся Герценъ толстовской смѣлости говорить о тонкихъ и глубоко затаенныхъ чувствахъ, которыя никому еще не были высказаны съ такой прямою.

«И вотъ, — рассказываетъ Н. А. Огарева, — Толстой у насъ (т.-е. въ Лондонѣ, у Герценовъ). Мы поспѣшили съ Наташей (жена Герцена) въ гостиную, чтобы взглянуть на замѣчательнаго соотечественника, котораго читала вся Россія. Когда мы вошли, графъ Толстой о чемъ-то горячо спорилъ съ Тургеневымъ. Огаревъ и Герценъ тоже принимали участіе въ этомъ разговорѣ. Въ то время (въ 1861 г.) Толстому было на видъ около тридцати лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, черты его лица были некрасивы, маленькіе, сѣрые (?) глаза исполнены какой-то проницательности и задумчивости. Странно только, что вообще выраженіе его лица никогда не имѣло того дѣтскаго добродушія, которое виднѣлось иногда въ улыбкѣ Ивана Сергѣевича (Тургенева), и было такъ привлекательно въ немъ.

«Когда мы вошли, начались обыкновенныя представленія. Конечно, Толстой и не воображалъ, съ какимъ трепетомъ мы пожали ему руку и не говорили даже съ нимъ, а только слушали его и разговоры съ другими...

«Онъ ѣздилъ къ намъ ежедневно. Спустя нѣсколько дней стало очевидно, что какъ писатель онъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ какъ мыслитель, потому что былъ иногда не логиченъ, сторонникъ фатализма, онъ часто